

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ШЕВЧЕНКИАНЫ

Характерное для филологов уважительное и трепетное отношение к печатному слову, к современным и отстоящим от нас во времени работам специалистов и тех, кто обнаружил равнодушие к проблемам культурного и литературного развития своей страны, еще раз подтверждено публикацией книги Василия Евграфовича Чешихина-Ветринского «Тарас Григорьевич Шевченко. Очерк жизни и деятельности» [2]. Книгу подготовила к печати, сопроводив комментариями и сведениями о личности В. Е. Чешихина-Ветринского, доктор филологических наук, профессор Е.А. Андрущенко – известный ученый-литературовед, пожалуй, наиболее авторитетный в Украине специалист по творчеству Д.С. Мережковского. В этом смысле тем более интересно обращение филолога-русиста к вопросам шевченковедения.

В том, что книга Ч. Ветринского – действительно библиографическая редкость, убеждают наши тщетные попытки найти ее следы в фондах научных библиотек или упоминания о ней в работах самых известных и именитых шевченковедов – Е. Кирилюка, В. Бородина, М. Павлюка и др. Не встречается имя Ч. Ветринского и в обстоятельном перечне работ о жизни и творчестве Т.Г. Шевченко, изданных еще в XIX – начале XX века, приводимом в книге П. Зайцева «Життя Тараса Шевченка» [3]. Поэтому вполне можно говорить и о забытости этой работы, и о неожиданном и приятном сюрпризе как для ученых, так и для любителей Шевченковского творчества.

В книжке, о которой идет речь, кроме краткого очерка о жизни и творчестве Шевченко помещены еще и русские переводы некоторых произведений Кобзаря. Всего их восемнадцать, а среди авторов переводов встречаются и хорошо известные имена литераторов и переводчиков, такие, как М. Михайлов (один из первых переводчиков произведений Т.Г. Шевченко на русский язык), Л. Мей, Н. Гербель, И. Белоусов, и мало или совсем неизвестные. Неизвестно, какими критериями руководствовался Ч. Ветринский, отбирая для публикации именно эти переводы. Неизвестно также, были ли эти работы единственными, которыми он располагал, или имелись убедительные мотивы для публикации именно выбранных им. Понятно, что о сколько-нибудь репрезентативной подборке переводов говорить не приходится: произведения выбраны без соблюдения хронологической последовательности их создания, некоторые даны в отрывках.

Как известно, произведения Тараса Шевченко многократно переводились на многие языки: английский, немецкий, французский, чешский, испанский, даже такие экзотические для нас, как китайский и японский; в Дании первым автором очерка о жизни и творчестве Шевченко был известный филолог Георг Брандес [см. подробнее: 8]; но активнее всего

с текстами Шевченко работали русские переводчики. Однако несмотря на большое число русских переводов стихотворений и поэм Шевченко переводоведы имели достаточные основания для пессимистического вывода: «Русский «Кобзарь» производит удручающее впечатление [11, с. 166]. И эти слова были сказаны уже тогда, когда в русскую Шевченкиану внесли ощутимый вклад такие мастера перевода, как Н. Ушаков, А. Твардовский, А. Безыменский, Н. Тихонов и другие. В этой связи, имея убедительный повод еще раз обратиться к проблеме русских переводов творчества Т. Шевченко, необходимо учитывать, что делать такую попытку следует только с позиций конкретно-исторических.

Переводчики, чьи работы включены в книгу Ч. Ветринского, разумеется, не могли руководствоваться методологическими принципами, составившими надежный фундамент современной школы художественного перевода. Их цель была много скромнее, но для их времени и актуальнее: дать представление о творчестве Шевченко, познакомить русскоязычных читателей с его мыслями и поэтикой. В известном смысле эта цель была достигнута, но сильное, мужественное и вместе с тем проникнутое тонким лиризмом слово подверглось существенной трансформации. И уж совсем не приходится говорить о музыкальности – неотъемлемом и характерном свойстве шевченковской лирики, – это качество неоднократно отмечали шевченковеды [см., напр.: 5] как выразительную приметку интонационного строя лирики поэта, ощутить которую в русских переводах, даже современных, к сожалению, случается крайне редко.

Известный теоретик и практик перевода В. Россельс, отлично знающий украинский язык и сам переводивший на русский стихи Т. Шевченко, совершенно прав, подчеркивая: «Важнейшим элементом художественной ткани является ее интонационный строй. Интонация теснейшим образом связана с законами синтаксиса и принятым в языке порядком слов, со смысловым ударением во фразах, с расположением членов предложения, а порой и с их конструкцией. Во всех этих отношениях другие славянские языки, каждый по-своему, *сильно отличаются от русского*. Даже для такого близкого языка, как украинский, каноническое представление грамматистов о якобы одном и том же порядке слов в предложении, что и на русском, неверно, во всяком случае неверно в отношении художественной литературы» [11, с. 158]. Кажущаяся и очевидная близость, даже созвучие двух языков нередко оказываются не просто камнем преткновения, а непреодолимым препятствием в процессе перевода. Наглядной и красноречивой, как нам кажется, иллюстрацией этого утверждения может служить уже первый в подборке Ч. Ветринского перевод Л. Мея – перевод гениальной лирической миниатюры Шевченко «Садок вишневий коло хати...», вещи, безусловно, знакомой любому культурному человеку.

Современная критика перевода крайне редко выбирает в качестве наиболее надежных и безусловных критериев оценки перевода поэтических произведений эквиметрическое или эквилинейное соответствие исходному тексту: действительно, переведенный «размером подлинника» [5] текст еще

не гарантирует высокого уровня перевода. Добросовестно сохраненный четырехстопный ямб оригинала в переводе Л. Мея несколько не компенсирует существенных потерь, обнаруживаемых в переводе. Нужно признать, что произведение, о котором мы говорим, до сих пор не имеет достойного русскоязычного аналога, поскольку и в более позднем переводе Н. Ушакова есть ряд недостатков. Для наглядности сравним несколько первых строк.

Перевод Л. Мея:

*Вишневый садик возле хаты,
Жуки над вишнями гудят;
Плуг с нивы пахари тащат.
И, распеваячи девчаты...* [2, с. 27].

Перевод Н. Ушакова:

*Вишневый садик возле хаты;
Хрущи над вишнями снуют.
С плугами пахари идут,
Идут домой, поют дивчата...* [13, т. 2, с. 14].

При очевидной близости к исходному тексту выбранных лексических средств все же Н. Ушакову удалось избежать того неудачного решения, которое находим в третьем стихе в переводе Л. Мея, где в глаголе «тащат» ударение в соответствии с ритмикой должно быть перенесено на последний слог.

У Шевченко не раз встречаются слова *дівчата*, *дівча*, *дівчатонька*, даже *дiва* (в русских произведениях – *дева*) [см.: 7], но непонятно какому языку принадлежащее слово *девчаты* – ни разу. В данном случае переводчик не прибег к дискурсивному соотнесению шевченковской лексики, хотя, справедливости ради нужно заметить, неизвестно, в каком объеме он был знаком с творчеством Кобзаря. Оба переводчика сохраняют украинское слово *соловейко*, соответствующее русскому *соловушка*, имеющему гибкую и удобную для ямбического метра структуру, а значит, при известных усилиях слово это могло быть использовано в переводе вместо сугубо украинского, создающего несколько навязчивый оттенок национального колорита.

Но есть в переводе Л. Мея несомненное достоинство, важный момент, ускользнувший от внимания опытного Н. Ушакова: для Шевченко семья – существенный элемент гармоничной картины мира, разумного мироустройства. Л. Мей, в отличие от Н. Ушакова, учитывает этот концепт, что до известной степени приближает его перевод к шевченковской философии. Но и при максимальном лексическом соответствии исходного и производного текстов трудно не заметить исчезновение лирической интонации, о которой сказано выше. К примеру, «Причинна» Т. Шевченко начинается знаменитыми строками «Реве та стогне Дніпр широкий, / Сердитий вітер завива...», и в русском переводе М. Исаковского наблюдается практически полное лексическое соответствие – «Широкий Днепр ревет и стонет, / Сердитый ветер листья рвет...» [13, т. 1, с. 31], – хотя что-то неуловимое, растворенное именно в интонации стихов, пропадает.

Вероятно, «Заповіт» Т. Шевченко относится к самым переводимым произведениям. В подборке Ч. Ветринского это стихотворение дано в переводе Ив. Белоусова – «Завещание». Специалисты в области переводоведения не раз дискутировали о том, как это название лучше передать по-русски – «Завещание» или «Завет» [см.: 4, 6]. Принимая во внимание то обстоятельство, что сам Шевченко эти стихи никак не озаглавил, видимо, при переводе стоит руководствоваться словарными разъяснениями: «*Zavim* – 1. Заповіт, настанова, порада, побажання, дані наступним поколінням або послідовникам; заповідь. 2. Обіцянка» [9, с. 48]. В толковом словаре современного украинского литературного языка читаем: «*Заповідь* – 2. Перен. Суворе правило поведінки, неухильний обов'язок, приказання. *Заповіт* – 1. Офіційний документ, який містить розпорядження певної особи щодо її майна на випадок смерті. 2. Перен. Настанова, наказ, дані послідовникам або нащадкам. 3. Те саме, що *заповідь* 2.» [1, с. 89]. Еще в одном источнике: «*Заповіт* – завещание, книжн. завет. (с. 304). *Zavim* – завет» [10, с. 286]. Сходное толкование слова находим и в словаре Б. Гринченко.

Совершенно очевидно, что в «Завещании» – мы поддерживаем целесообразность выбора именно такого перевода украинского слова «заповіт» в русском тексте – речь идет не о *наследстве* в его, так сказать, материальном выражении, а о *наследии*, о наследовании потомками *духа* великого автора этих стихов, его устремленности к воле, которую когда-нибудь непременно обретет его народ.

Первые строчки «Завещания» в переводе Ив. Белоусова и в переводе А. Твардовского, помещенном в пятитомном русскоязычном собрании сочинений Т.Г. Шевченко, выпущенном в 1960-х гг. под редакцией Ал. Дейча, М. Рыльского и Н. Тихонова, абсолютно тождественны: «Как умру – похороните / На Украине милой...». Но если сопоставить весь текст произведения в переводе Ив. Белоусова с работами переводчиков более позднего времени, следует признать, что Белоусов местами очень точен, ему удалось приблизиться к сокровенной и сакральной глубине шевченковской мысли. Однако вместо безличных форм в оригинале «...Щоб лани широкополі, / І Дніпро, і кручі / Було видно, було чути, / Як реве ревучий» Белоусов предложил форму изложения от первого лица: «Положите так, чтоб видел / Я луга и кручи; / Чтобы слышал, как волнами / Днепр ревет могучий...» [2, с. 68]. Создаваемый таким образом «эффект присутствия» привносит неуместные в данном контексте коннотации, размывая сгущенную лаконичность высказывания, а значит, разрушая и целостность художественного строя произведения.

Переводов «Заповіту» на русский язык уже сделано немало, и они обстоятельно проанализированы в одной из лучших, по нашему мнению, работ, исследующих русскую Шевченкиану, – статье Р. Лубкивского [6], но появляются все новые переводы, косвенно подтверждая неудовлетворительное качество предыдущих [см., напр.: 4].

Закономерен вопрос о целесообразности публикации русских

переводов призначених Т. Шевченку, який високий рівень яких залишає бажати кращого. Відповідь очевидна: цінність цих перших спроб перекладу засобами російської мови Шевченківських віршів в тому, що ці спроби допомагають прослідкувати еволюцію російської Шевченкиани, сприяють більш чіткому розумінню цих успіхів і невдач, які супроводжували перекладачів на шляху оволодіння поезією Кобзаря в часі багатьох десятиліть. Бути першим, як відомо, завжди набагато важче – немає досвіду попередників, не існувало ще такої серйозної критичної осмисленості складності і тонкостей стилю, образності і версифікації Шевченку. Місія цих перших перекладачів була в іншому – вони виявилися благородними популяризаторами творчості великого українського поета і мислителя.

Література

1. Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. – К.: Перун, 2007. – 1736 с. (с. 89).
2. Ветринский Ч. Тарас Григорьевич Шевченко. Очерк жизни и деятельности. С приложением портрета и избранных произведений Шевченка в переводе русских поэтов/ Упор. О.А. Андрущенко. – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2012. – 104 с.
3. Зайцев Павло. Життя Тараса Шевченка. – Нью-Йорк – Париж – Мюнхен, 1955 (перевид. Київ: Обереги, 1994). – 456 с.
4. Карабан В. И. Жанрово-поэтические вопросы перевода «Заповіту» Т.Г. Шевченко на русский язык// Теория и практика перевода. Вып. 11. – К.: Вища школа, 1984. – С. 3–10.
5. Ковалевский В. «... Размером подлинника»// Мастерство перевода – 1962. Сборн. – М.: Сов. писатель, 1963. – С. 179–202.
6. Лубкивский Р. «Слово пламенем зажглось...» («Завет» Т.Г. Шевченко в русских переводах)// Мастерство перевода – 1976. Сборн. XI. – М.: Сов. писатель, 1977.
7. Меншиков І. І., Підмогильна Н. В. Поетичне слово Кобзаря. Словник лексичних компонентів атрибутивних конструкцій / Видання друге, доповнене. – К.: ДП «Дирекція ФВД», 2008. – 212 с.
8. Миронов О. Шевченко в Данії// Збірник праць двадцять шостої наукової Шевченківської конференції/ Відп. ред.. Є.П. Кирилюк. – К.: Наук. думка, 1985. – С. 185–192.
9. Новий тлумачний словник української мови: у 4-х т. / Укладачі В. Яременко, О. Сліпушко. – Т. 2. – К.: Аконті, 2000. – 912 с. (с. 48).
10. Новітній українсько-російський словник / за ред. проф.. Пеліпейченко Л.М. – Х.: Прапор, 2006. – 1088 с.
11. Россельс Вл. Подспорья и преграды. (Заметки о переводе с близкого языка)// Мастерство перевода – 1962. Сборн. – М.: Сов. писатель, 1963. – С. 151–178.

12. Словарь української мови Бориса Грінченка. – К.: Довіра – УНВЦ «Рідна мова», 1997. – 578 с.
13. Шевченко Тарас. Собр. сочин.: в 5-ти т. / под. ред. Ал. Дейча, М. Рыльского, Н. Тихонова. – Т. 1. – М.: Худож. литер., 1964. – 431 с.; Т. 2. – М.: Худож. литер., 1968. – 504 с.

Анотація

У статті розглядається видана професором Андрущенко О.А. книга Ч. Ветринського «Тарас Григорьевич Шевченко. Очерк жизни и деятельности».

Ключові слова: Тарас Шевченко, російська Шевченкіана, художній переклад, Ч. Ветринський.

Аннотация

В статье рассматривается изданная профессором Андрущенко Е.А. книга Ч. Ветринского «Тарас Григорьевич Шевченко. Очерк жизни и деятельности».

Ключевые слова: Тарас Шевченко, русская Шевченкиана, художественный перевод, Ч. Ветринский.

Summary

The article by professor Andrushchenko E.A. is reviewing the book written by Ch. Vetrinskiy “Taras Grigorievich Shevchenko. Sketch of the life and performance”.

Key words: Taras Shevchenko, Russian Shevchenkiana, literary translation, Ch. Vetrinskiy.